

Генадзь Цыхун
(Минск)

ИЗ БЛОКНОТА УЧАСТНИКА ПОЛЕССКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ (1. КУМИНА ВОДА; 2. ЧАГОШЧЫ И ЧУГАЙКА; 3. КРЫЧАЦЬ ЯК БОЎГАРЫ)

Do badań nad Polesiem Nikita I. Tolstoj wprowadził „perspektywę południowosłowiańską”, której wartość potwierdza autor na przykładzie kilku wyrazów i związków frazeologicznych występujących w białoruskich gwarach poleskich i będących głębokimi archaizmami. Pierwotny sens wyrażenia *kumina wodá*, *kryczać jak bougary* oraz nazw własnych *Czáhoszczy*, *Czuhájka* zanotowanych przez autora na południu Białorusi daje się ustalić metodą analizy porównawczej opartej na danych dialektologicznych. Frazeologizm *kuminá wodá* ‘wir rzeczny; miejsce, gdzie kręci się woda’ i nazwa (*kumá* — ‘jama, gdzie kręci się woda’), mogą mieć związek z formą *kum* jako tabuizacją pojęcia ‘czarta’. Nazwy własne *Czáhoszczy*, *Czuhájka* na Turowszczyźnie są archaizmami prasłowiańskimi i dobrze się tłumaczą przez zestawienie ze słoweńską i chorwacką nazwą wsi *Čagošče*, słowackim czasownikiem *čuhat* ‘wyglądać’. Frazeologizm poleski *kryczac’ jak bougary* ‘rozmawiać głośno’, ‘dyskutować głośno’ autor łączy z chorwackim *būgariti* ‘krzyczeć, wrzeszczeć’, ‘opłakiwać zmarłego’ oraz dalmatyńskim *būgariti* ‘śpiewać stare ludowe pieśni o określonej melodii’. Uprawdopodobniają tę hipotezę takie bałkanizmy występujące w gwarach białoruskich jak *brynza*, *komarnik*, *turlik*.

Полесские экспедиции, начатые в 60-е годы по инициативе Никиты Ильича Толстого¹, фактически открыли новый этап в изучении языка и народной культуры Полесья. И это несмотря на то, что этот уникальный регион уже был предметом пристального внимания и тщательного изучения как со стороны белорусских, так и со стороны рус-

¹ См.: Хроника полесских экспедиций // Полесье (Лингвистика. Археология. Топонимика), Москва, 1968. С. 300–302.

ских, польских и украинских диалектологов и этнологов. Новое заключалось прежде всего в том, что впервые на Полесье взглянули с точки зрения широкой общеславянской перспективы. Особенно следует подчеркнуть плодотворность „южнославянского” взгляда на язык, духовную и материальную культуру Полесья, ибо он с учетом ареальной точки зрения открывал их многовековую глубину и превращал плоскостную картину в объемную. Этот субъективный фактор (в первую очередь „южнославянскость” самого инициатора полесских экспедиций и соответствующая научная подготовка и ориентация ряда их участников) позволил, на наш взгляд, заметить и зафиксировать в огромном море народной культуры те факты, которые обычно оставались незамеченными или тонули в общей массе разновременных и неравнозначных в научном плане явлений. Понятно, что также восточнославянский и западнославянский аспект присутствовали при изучении Полесья, однако они, на наш взгляд, в силу известных причин (возможность позднейших влияний, небольшая контрастность фактов и пр.) оставались на заднем плане. Разумеется, речь идет о первых полесских экспедициях, поскольку в дальнейшем их характер и состав участников серьезно меняется.

Просматривая теперь, при подготовке настоящей статьи свои полесские блокноты, а они включают и многочисленные записи на протяжении более чем десятилетнего периода собирания материалов для „Туровского словаря”², невольно вспоминаешь самого Никиту Ильича и многочисленные яркие образы тех носителей народной духовной культуры, с кем пришлось общаться во время полесских экспедиций, и большинства из которых уже нет среди живых. Но остались зафиксированные факты, которые по тем или иным причинам не вошли в опубликованные книги, статьи и материалы, однако могут вызвать интерес у исследователей. Вниманию последних предлагается ряд этюдов, которые базируются на собственных записях разных лет.

1. *Куміна вода*. Вначале обратимся к близкой Н. И. Толстому теме географической терминологии. В „Туровском словаре” указанное выражение (с другим ударением в слове *кúміна*) приводится в значении ‘вір, месца, дзе вада вірыць, закручвае ў адваротны бок’³. В записях, наряду с *куміна вода* ‘вір каля берага’ (д. Запесочье), фиксируется *кума* ‘яма, дзе круціць вада’ (д. Хотамель). В „Словаре русских народных говоров” приводится выражение *кумова вода* ‘встречная вода’ (донское), а так-

² Тураўскі слоўнік. Мінск, 1982–1987. Т. 1–5.

³ Тураўскі слоўнік. Мінск, 1982. Т. 2. С. 250.

же севернорусские формы *ку́моворот*, *куноворо́т* ‘водоворот’, *кумовица* ‘обратное течение реки у берега’ (новгородское), *кумовни́к* ‘водоворот (в реке)’⁴. При всей этимологической прозрачности указанных терминов — связь со словами *кум*, *кума́* кажется бесспорной — остается неясной мотивация этой связи. Как и в других подобных случаях типа полесского *ластові́нне* ‘веснушки’, эта мотивация может восходить к достаточно древним представлениям, без знания которых невозможна успешная этимологизация таких названий. Для последнего случая это представление о том, что разрушение гнезд ласточек ведет к появлению веснушек (по-видимому, связанное с древними тотемными запретами). Есть некоторые основания считать, что и за рассматриваемым названием кроются подобные представления. В записях из д. Большое Малешево (Велікі Малешоў) на Туровщине зафиксировано что-то вроде притчи. В ней говорится о возможности преодоления некоторых запретов, которая основывается на допустимости нарушений обычного, естественного характера вещей в природе: *Ехай кум із кумою лодкою, до хоцелі нешчо зробіць, да кажэ, шчо не можна. А знайшлі такў водў, шчо лодка пойдзе проці воды, то й назвалі куміна́ водá*. Интересным представляется и выражение *зышло на кумў* (д. Хотамель) ‘попал в водоворот’. Не исключено, что сама притча могла возникнуть на основе народного осмысления названия *кума́*, но в этом случае этимология слова остаётся неясной (предположение, высказанное в „Этимологическом словаре белорусского языка”, о связи с глаголом *кумкаць* ‘квакать’⁵ по многим соображениям кажется не убедительным). Вряд ли можно связать его и с табуизированным обозначением *кум* ‘чёрт’, поскольку в большинстве случаев название выступает в форме женского рода.

2. *Ча́гошчы* и *Чуга́йка*. Следует признать, что иногда связь, установленная между отдельными образованиями в говоре и для его носителей очевидная, нам, как эксплораторам и людям, находящимся вне системы местного языка и народной культуры, остается неясной. Сравните, например, следующий пассаж, записанный в д. Большое Малешево на Туровщине: *Нека Чугайка ходзіла да душыла людзей, да й од того цепер Ча́гошчы прозваюць*.⁶ Ср. также вариант *Чагоршчы*⁷. Что стоит за этой предполагаемой связью между названным мифическим персонажем и местным названием? Подобие по звучанию, экзотиче-

⁴ Словарь русских народных говоров. Ленинград, 1980. Вып. 16.

⁵ Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1989. Т. 5. С. 158.

⁶ Тураўскі слоўнік. Мінск, 1987. Т. 5. С. 300.

⁷ Там же. С. 381.

ская форма обоих слов в сравнении с другими типичными названиями, используемыми в говоре, или что-нибудь другое? Поскольку местное название *Чагошчы* представляет несомненный праславянский архаизм (ср. реконструкцию **čagostь* на основе личного имени собственного ст.-чеш. *Čahost* и местного славянского названия в Албании *Чагоща* в „Этимологическом словаре славянских языков”⁸, то жесткая связь между ними в представлении носителей говора могла бы свидетельствовать о достаточной древности и другого элемента. Широкое распространение в славянском мире этого типа местных названий на *-gost’* (кроме перечисленных, ср. названия сёл в Хорватии *Čagošće* и в Черногории — *Чагошта*⁹, словенское *Čagošče*¹⁰, по мысли Р. Козловой, с первоначальной семантикой „земля (поле, сенажаць) Čagost’a ці яго нашчадкаў”¹¹, заставляет заняться поисками праславянских корней мифологического персонажа туровского предания, в котором рассказывается о герое, избавившем людей от злой беды: *Обсіловаў вон ее, тую Чугайку*. Наиболее вероятное происхождение этого названия от праслав. **čugati*, которое реконструируется на основе чеш. *čihat* ‘подстергать, поджидать’, ‘нетерпеливо ждать’, словац. *čihat’* ‘выглядывать’¹² при помощи суффикса *-ajka*¹³. Как кажется, такая мотивация наиболее соответствовала характеру этой особы, что видно из другой записи, где опять выступает указанная выше пара названий: *тут у нас е урочышчэ Чагошчы(ы), там така гўшча була. І Чугайка, вонá там седзела*. Отсутствие (утрата?) соответствующего глагола на восточнославянской территории делает предложенную этимологию не вполне надежной. Впрочем, нельзя исключить, что указанный глагол в восточнославянском ареале в связи с изменением характера согласного *g* мог совпасть с глаголом **čuxati* (< *čuti*), одно из значений которого — ‘чуять’¹⁴. Впрочем, о древности вышеупомянутых имен собственных свидетельствуют как западнославянские (словацкие), так и восточнославянские факты.

⁸ Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Москва, 1977. Вып. 4. С. 10.

⁹ Станковска Љ. Исчезнати лични имења во македонска топонимија // Македонски јазик. 1989–1990. Кн. 40–41. С. 566.

¹⁰ Košmrlj M. Dvočlenska antroponima v slovenskih krajevnih imenih // Onomastica Jugoslavica. Ljubljana, 1970. Knj. 2. S. 108.

¹¹ Казлова Р. М. Анамастычныя старажытнасці Гомельшчыны (*Чагоршчы, Чагошчы, Чамушалы*) // Единство восточнославянских народов: прошлое, настоящее, перспективы. Материалы научной конференции. Гомель, 1995. С. 148.

¹² Этимологический словарь славянских языков. Вып. 4. С. 130.

¹³ Ср.: Wasiak E. Ukraińskie formacje z sufiksem *-ajka* na tle porównawczym // W kręgu języków i literatur słowiańskich. Warszawa, 1984. S. 132–139.

¹⁴ Этимологический словарь славянских языков. Вып. 4. С. 130.

В частности, в том же полесском микрорегионе зафиксирован микропоним *Чугаёў город* (д. Семурадцы)¹⁵, что несомненно восходит к имени собственному типа *Чугай*.

3. **Крычаць як боўгары.** Классический этюд Н. И. Толстого о сравнительном фразеологизме *п'яны як зямля*, впервые опубликованный в сборнике в честь Кондрата Крапивы¹⁶, продемонстрировал исключительную древность и тесную связь с первичными народными представлениями, закрепленную в подобного типа устойчивых компаративных формулах. Можно предположить, что и другие, не совсем привычные народные сравнения содержат указание на некоторые достаточно древние факты. Так, во время записи материалов для „Туровского словаря” в деревне Запесочье, расположенной у самого Турова, неожиданно один из информантов, женщина в годах, в связи с упоминанием этнонима *болгары* сообщила, что у них говорят *крычаць як боўгары* в случае громкого разговора или спора в группе людей. На попытку выяснить, кто же такие *боўгары* и почему они кричат, удовлетворительного ответа получить не удалось. Из разговора выяснилось, что никаких непосредственных контактов с болгарами жители деревни в обозримое время не имели¹⁷. Таким образом, остаётся загадкой, каким образом в туровском говоре появилось указанное сравнение. В связи с отсутствием надежных фактов, объясняющих возможное происхождение устойчивого сравнения *крычаць як боўгары*, могут быть высказаны некоторые предположения на сей счет.

Трудно допустить, что в говоре сохранилась память о миграции волжских или других болгар через южные районы Беларуси, хотя в летописях и присутствуют определенные свидетельства о болгарях, ср. сообщение в летописи по Ипатьевскому списку: *Приходѣт черънини Болгаре и коичѣ в странѣ корсуньстии*¹⁸. Есть и другие упоминания о таких связях¹⁹. Однако даже в том случае, если бы память и сохранилась, трудно

¹⁵ Тураўскі слоўнік. Мінск, 1987. Т. 5. С. 374.

¹⁶ Толстой М. И. Rutheno-serbica // Беларускае і славянскае мовазнаўства: Да 75-годдзя К. Крапівы. Мінск, 1972. С. 270–274.

¹⁷ Вряд ли имеют под собой основания предположения П. Куцарова о болгарях-переселенцах на Пинщине: „недалеч от посоченото място, също в Пински район, се намира село Българи (Болгары). По думите на дядо Антон Йосифович Островски, роден през 1907 г., „ние сме преселени от България много отдавна, забравили сме езика си”. Дядо Антон счита, че той е пето или шесто поколение след преселването. Селото има 38 къщи, построени след 1915 г., тъй като цялото село тогава е било изгорено по време на войната” (Куцаров П. Славянските първоучители и Белорус // Старобългаристика=Paleobulgarica. 1993. Бр. 3. С. 102).

¹⁸ Летопись по Ипатьевскому списку. С.-Петербург, 1871. С. 32.

¹⁹ Ср.: „На территории Белоруссии, в Осиповичском районе Могилевской обла-

объяснить мотивы такого устойчивого сравнения. Некоторый свет на возможные истоки мотивации фразеологизма могли бы пролить хорватские факты, и в первую очередь глагол *bügariti* ‘вопить, оплакивать мертвеца’, засвидетельствованный в Лике, который П. Скок²⁰ выводит из этнонима *Bugarin* ‘болгарин’ или из известного на далматинском побережье вплоть до Истры глагола *bugäriti* ‘петь старые народные песни с определенной мелодией’. Эти песни, известные под именем *bügarštice* отличались специфическим характером, в них нередко говорилось о подвигах и гибели героев. Напряженный и форсированный способ исполнения („srpskim načinom”, что говорит о его восточнобалканском происхождении), напоминающий вопли, мог послужить основой для формирования устойчивой связи между ним и известным этнонимом. Вопрос о том, почему исходный глагол и название специфического пения сохранились только на западе Балканского полуострова, кажется разрешимым, поскольку их пришлый характер требовал соответствующих определений, в то время как на востоке необходимости в таком обозначении не возникало (они здесь не были маркированными). Широкое распространение на Балканах такого пения П. Скок связывает с тем, что первоначально болгары–тюрки могли кочевать со своими стадами подобно валахам и албанцам. Нельзя целиком исключить того, что пути их миграций пролегали и в районах, относительно близких к Полесью. Об этом свидетельствуют и такие „пастушеские” термины, фиксируемые в полесском ареале, как *брынза*, *комарнік*, *турліж* и под.

FROM THE NOTES OF A PARTICIPANT OF EXPEDITIONS TO
POLESIE: *KUMINA VADÁ, CHÁKHOSHCHY I CHUKHÁYKA*,
KRYCHAT’ YAK BOUGARY

Nikita I. Tolstoy introduced to studies on Polesie “a South-Slavonic perspective.” Its value is corroborated in the present text with an analysis of a few archaic words and phrases present in Belorussian dialects of the region. The primary sens of expressions *kumina vadá*, *krychat’ yak bougary* and proper names *Chákhoshchy*, *Chukháyka*, recorded

сти, существует деревня *Булгары*. Не является ли ее название отражением реальных этнических связей восточных славян с волжскими булгарами” (Рогалев А. Ф. Русь Белая и Черная. К вопросу о восприятии древних географических названий в разные исторические периоды // Славяне: адзінства і мнагастайнасць, 2. Этнагенез славян. Мінск, 1990. С. 71).

²⁰ Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1971. Knj. 1. S. 228.

by the author in southern Belorussia, can be established by comparative analysis based on dialectological data. The phrase *kumina vadá* 'whirlpool', as well as the very term *kumá* 'a cave where water whirls', may be linked to the form *kum* as a taboo term for the devil. The proper names *Chákhoshchy*, *Chukháyka* in Turovshchyzna are Proto-Slavonic archaisms and can be explicated through juxtaposition with the Slovene and Croatian name *Chagoshche*, and the Slovak verb *chukhat* 'to watch for somebody.' The phrase *krychat' yak bougary* 'to talk, discuss something in a loud voice' can be associated with the Croatian *bügariti* 'shout, shriek', 'to lament over the deceased' and Dalmatian *bügariti* 'to sing old folk songs with specific tunes (in a specific way).' The hypothesis is rendered more probable in the light of Balkan influences in Belorussian dialects, such as *brynza*, *komarnik*, *turlik*.